

Как я играл Брежнев

Прошу от моего имени взять интервью у артиста кино Е. Матвеева (сыгравшего роль Брежнева в фильме «Солдаты свободы»).

Хотелось бы услышать конкретные и честные ответы на такие вопросы: было ли предложение сниматься в этой роли неожиданностью? Польстило ли оно самолюбию? Как шла подготовка к роли? И еще: смог бы артист сейчас еще раз сыграть своего героя, открывшегося в истинном свете? Кроме того, мне хотелось бы узнать: прибыли или убытки принес фильм об освобождении Леонидом Ильичом стран Западной Европы от немецко-фашистских захватчиков? Но это, очевидно, вопрос уже не к Е. Матвееву...

И. ЛЕВЧЕНКО.

МЕЛИТОПОЛЬ,
Запорожская область.

Отвечает артист и режиссер Евгений МАТВЕЕВ.

— Предложение играть Брежнева оказалось для меня полной неожиданностью. Во мне еще крепко сидели решения двадцатого съезда о борьбе с культом личности Сталина. Я помнил, как во время очередных перегибов под лозунгом «Долой культ личности с экранов!» закрывали даже фильмы «Иван Крамской» и «Иван Грозный». И вдруг — на экране должен появиться живой вождь!

— Но на Западе это широко распространено. Помнится, после одной из встреч Рейгана с Горбачевым об этом уже через несколько месяцев был сделан художественный фильм. Правда, у американцев другие задачи. Они точно воспроизводят события и их участников. У нас же всегда создавался до предела идеализированный, безликий образ, ничего общего не имеющий с реальным, живым человеком...

— А о том, что представлял собой этот реальный человек, мы мало что знали.

Только сейчас наши руководители по-прежнему предстают перед нами как живые люди. В сценарии «Солдаты свободы» личности, характера не было. Была функция. Но отказаться я не мог. Мне говорили: «Вы будете играть эту роль. Это утверждено на высоком уровне».

Я — актер. Я должен сыграть — и хорошо сыграть — любую роль, будь то Брежнев, будь то Баба-Яга. Я начал искать информацию о своем герое. Но что о нем можно было узнать? В каком-то году был на такой-то работе, потом занимал такой-то пост. У меня были консультанты — люди, которые воевали вместе с Брежневым, его помощники. Но из их приукрашенных рассказов человеческий характер все равно не складывался. Правда, я заметил, что все они упоминали доброту Брежнева. Говорили о ней несколько преувеличенно, иногда восторженно, так что получался сладкий сироп. Но все же это была живая черта, и я за нее уцепился. Я смотрел много кинохроники, посвященной Генеральному секретарю. Несколько раз видел, как на его глазах появлялись слезы. Думаю, он действительно был добрый человек. Может быть, эта доброта и приводила к трагедиям для него и для государства.

— Вы лично встречались с Брежневым?

— Нет. И не мог встречаться. Его появление в «Солдатах свободы» держалось в строжайшей тайне от самого Генсека, потому что планировалось как своего рода приятный сюрприз к его семидесятилетию. Правда, была попытка устроить мне наблюдение за ним

вблизи. Я должен был находиться в толпе корреспондентов, провожавших вождя, когда тот улетал в Берлин. Но от этого плана пришлось отказаться. Генеральный секретарь мог узнать меня и поинтересоваться, что, собственно, я, артист Матвеев, делаю среди журналистов.

— Как я понимаю, отношение к этой роли у нашего идеологического руководства было, скажем так, преувеличенно почтительным. Но в то же время нашего Генерального секретаря надо было изобразить похожим. А в нем далеко не все соответствовало идеальному облику вождя. У вас были из-за этого проблемы?

— Да, когда я играл Емельяна Пугачева, никто не мог проверить, так ли в точности выглядел мой герой. А Генсека каждый день видели на экране телевизора. Как решить, например, такой вопрос. Брежнев всю жизнь мягко, по-южному произносил букву «г». Показывать ли это на экране? Я взял один из своих текстов и убрал все слова с этой буквой. Заменял их синонимами. Но следующий текст был документальным. Тут уже нельзя было исказить ни слова. Как мне рассказывали, по этому поводу были консультации с Сусловым. Суслов, вникнув в проблему, подумал и сказал: «Про меня говорят, что я окаю. А я считаю, что я совсем не окаю». Это восприняли как руководящее указание. В фильме наш герой говорил нормально.

Особое отношение к моей роли еще яснее почувствовалось после того, как картина вышла на экран. Я сыграл всего лишь два маленьких эпизода в огромной

киноэпопее. Но где бы ни писали о фильме, их непременно упоминали. Кадры со мной в роли Брежнева можно было увидеть во всех газетах и журналах. Дошло до нелепости. В первом издании энциклопедического словаря меня преподнесли следующим образом: «Сыграл роль Леонида Ильича Брежнева в фильме «Освобождение».

— И все!

— И всё! Как будто бы не было ни «Воскресения», ни «Поднятой целины», ни «Любви земной», ни «Судьбы». Причем и в этих двух строчках умудрились допустить ошибку. Я играл в «Солдатах свободы», а не в «Освобождении».

Вот еще один случай. В телеконцерте я должен был читать отрывок из шолоховской «Поднятой целины». Включаю телевизор — моего выступления нет. Начинаю узнавать, в чем дело. Мне объясняют: как же вы будете читать сцены о том, что значит баба в жизни мужика, если вы только что сыграли Генсека? Хотя Генсека я никогда не играл. У меня была роль начальника политотдела армии, молодого генерал-майора. Генсека я бы, пожалуй, сыграл теперь. Тем более что приближаюсь к его возрасту. Но пока такой фильм не планируется.

— Может быть, это и к лучшему. Сейчас, в очередной конъюнктурной картине, из него бы, вероятно, сделали карикатуру. Танцевали же на одном из рок-концертов на его портрете, разостланном на полу.

— Да, мы все время шарахаемся из стороны в сторону. У нас не хватает

культуры, уважения к самим себе. Раньше в нашем кинематографе действительность чаще всего приукрашивалась. Сейчас мы открыто говорим о наших бедах. Но как мы озлоблены, как ожесточены! В искусстве даже трагическое должно внушать надежду. В пьесах Шекспира льется кровь, гибнут люди, но после того, как их прочитаешь, хочется жить. Потому что Шекспир да и все великие писатели обладали способностью пробуждать лучшее в человеке. А в наши дни само понятие «положительный герой» вызывает насмешки у некоторых критиков. Но изобразить «положительно прекрасного человека» стремились и Толстой, и Достоевский.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Я закончил новый фильм, который называется «Чаша терпения». Это картина о чести и бесчестности, любви возвышенной и низкой. Ее герой — охотевед, егерь, человек, ничем внешне не выдающийся. Но он из тех людей, на которых наше общество сейчас может опереться. Что буду делать дальше — не знаю. У меня на столе лежат два сценария. Оба — о нашей жизни, наших проблемах. Но опять-таки и в том, и в другом такое злорадство по поводу того, до чего доведена страна, что у меня даже нет желания за них браться. Я не хочу делать фильм, после которого зрителю захочется удавиться. Мне кажется, что кино сейчас должно вселять в людей надежду и веру в самих себя.

Интервью взяла
Е. ГОНЧАРЕНКО.